

А.Б. Старостина
ИВ РАН

НАСЛЕДИЕ ЛУ ЦЗЯ В ТРАКТАТЕ ВАН ЧУНА «ЛУНЬ ХЭН»

Аннотация. В серии трактатов Ван Чуна, объединенных названием «Лунь хэн» («Весы суждений»), Лу Цзя упомянут немногим менее 20 раз. При этом Ван Чун ставит Лу Цзя выше, чем Сыма Цзяня или Лю Сяна, которых полагает более историками, чем мыслителями.

Ван Чун считал Лу Цзя деятельным и красноречивым человеком, который убедил Лю Бана в необходимости отказаться от милитаристской политики, а Чжао То — признать вассальную зависимость от Хань. Эксплицитно он цитировал Лу Цзя всего дважды, при этом цитаты не имеют аналогов в дошедших до нас редакциях «Синь юй».

Только от Ван Чуна можно узнать, что у Лу Цзя была своя концепция индивидуальной природы человека, довольно близкая к представлениям Мэн-цзы, несмотря на то, что свою родословную как ученый он вел от Сюнь-цзы.

Кроме того, из пересказа слов Лу Цзя в «Лунь хэн» следует, что Лу Цзя писал о посмертной участи человека, пусть и амбивалентно, — таких высказываний в дошедшем до нас его наследии тоже нет.

Ключевые слова: Лу Цзя, Ван Чун, ханьская философия, дискуссия о природе человека.

A.B. Starostina
IOS RAS

Lu Jia's Legacy in Wang Chong's Treatise “Lun heng”

Abstract. In a series of treatises collected under the title “Lun heng” (“Discourses Weighed in the Balance”), Wang Chong mentions Lu Jia a little less than 20 times. “Lun heng” places Lu Jia above Sima Qian or Liu Xiang, as a thinker in opposition to two historians.

Wang Chong values Lu Jia as an energetic and articulate person who persuaded Liu Bang to abandon his militaristic policies and Zhao Tuo to accept vassalage to the Han.

Wang Chong only quotes Lu Jia twice, and these quotations have no parallel in the surviving versions of the “Xin yu”. However, it is only from Wang Chong that we learn that Lu Jia had his own conception of human nature, which was quite close to Mencius' concepts, although as a scholar he traced his ancestry back to the Xunzi.

It is also clear from the retelling of Lu Jia's words in the “Lun heng” that Lu Jia wrote about a posthumous fate for human beings, albeit in an ambivalent way.

There are no such statements in his surviving legacy.

Key words: Lu Jia, Wang Chong, Han philosophy, discussion on human nature.

Ван Чун (I в. н. э.), работавший на фоне апофеоза «школы новых текстов», был ее последовательным оппонентом. Возражая и против мифологизации конфуцианской традиции, и против всепоглощающего ухода конфуцианства в комментирование классики, он выработал собственный стиль аргументации. Чтобы опровергнуть установившиеся среди творцов официальной идеологии мнения, он был готов признать самые экстравагантные вещи и поставить под сомнение самые очевидные.

Едиственный последовательный подход в его философской деятельности — поэтико-риторический, в котором заметную роль играет стремление поразить оппонента или читателя блеском эрудиции и парадоксальностью аргументации.

Вместе с тем, мировоззрение Ван Чуна, о котором можно судить по серии трактатов, объединенных названием «Лунь хэн» («Весы суждений»), имело непротиворечивую теоретическую базу. Оно основывалось на признании субстанциального единства мира, одновременном отрицании субъектности Неба и постулировании отсутствия замысла за любыми событиями.

Ван Чун верил в математическую заданность природных процессов, накладывающихся на функционирование общества и индивида. Одним из результатов такой картины мира для него было утверждение малой зависимости социального успеха от личных качеств и сознательных действий.

Лу Цзя (III—II вв. до н. э.), один из героев начала Ханьского периода, сподвижник Лю Бана, дипломат, государственный деятель, а также автор трактата «Синь юй» и исторического сочинения «Чу Хань чуньцю», был для Ван Чуна одним из редких и недостижимых примеров успешной деятельности талантливого человека, в его представлении — воплощенного парадокса. В «Лунь хэн» Лу Цзя упомянут немногим менее 20 раз. Ван Чун оценивает его высказывания и деятельность, — как критически, так и с восхищением.

Для «Лунь хэн» Лу Цзя находится в ряду достойнейших раннеханьских конфуцианцев, не увлекавшихся бесплодным комментированием классики. Ван Чун ставит его выше, чем Сыма Цяня или Лю Сяна, которые придавали больше значения записям текущих и древних событий, чем высказыванию собственных мыслей (глава «Превосходные и удивительные»).

Ван Чун ценил Лу Цзя как деятельного, красноречивого и искреннего человека, сумевшего убедить основателя дома Хань в необходимости отказаться от милитаристской политики, а Чжао То, основателя государства Намвьет, — в необходимости признать вассальную зависимость от Хань. Заслугу Лу Цзя он видел и в том, что родственники императрицы Люй не смогли окончательно утвердить свою власть в стране.

Лу Цзя импонировал Ван Чуну как свидетель и участник становления Ханьской империи, как искусный ритор, как мастер очевидных умозаключений и исторических сближений, как деятель, но вместе с тем и ученый.

Тем не менее Ван Чун эксплицитно цитировал Лу Цзя всего дважды, при этом цитаты не имеют аналогов в дошедших до нас редакциях «Синь юй» (последний факт использовали для того, чтобы поставить аутентичность этого памятника под сомнение). Скрытых цитат в тексте очевидно больше (по первичной оценке, около 30), при этом они позволяют понять истинную степень влияния Лу Цзя на Ван Чуна — как на его литературный стиль, так и на общественно-политические взгляды.

Кроме того, некоторые пассажи в «Лунь хэн» проливают свет на философские взгляды Лу Цзя. Так, только от Ван Чуна можно узнать, что у Лу Цзя была своя концепция индивидуальной природы человека, довольно близкая к представлениям Мэн-цзы, несмотря на то, что свою родовую как ученый он вел от Сюнь-цзы.

Из пересказа, но не из цитаты, в главе «Простые похороны» следует, что Лу Цзя писал о посмертной участи человека, пусть и амбивалентно, — таких высказываний в дошедшем до нас его наследии тоже нет.